

ОТ РЕДАКЦИИ

Двенадцатый номер «Детских чтений» посвящен столетию революции 1917 г.

Мы собрали исследования, которые отвечают на вопросы, позволяющие прояснить значение революционных событий 1917 г. в истории детской литературы.

Трансформация содержания и прагматики детской литературы, которая произошла в 1920-е гг., не была одномоментной. Как показывают исследования, в том числе опубликованные в этом номере журнала, процесс советизации детской литературы растянулся на два десятилетия и был достаточно неровным. Сразу после революции произведения для детей издавались не в ответ на новый политический заказ, сформулированный Л. Кормчим в 1918 г., а вопреки экономической разрухе, поэтому книги А. Алтаева, В. Авенариуса, Б. Зайцева и Л. Чарской продолжали выходить в первые два года после революции, возьмемся предположить, — просто по издательской инерции. Сара Панкеньер Вельд обратилась как раз к такому случаю — изданию сборника «Елка» в 1918 г., в котором социальная катастрофа 1917 г. нашла свое выражение в подтексте одного из многих опубликованных текстов — горьковском «Самоваре».

Новые советские ценности начали артикулироваться только в 1923–1924 гг., когда, с одной стороны, в Россию стали более активно проникать сюжеты, связанные с левой идеологией, такие как «пролетарские сказки» Герминии Цур Мюлен, о чем пишет в своей статье Марина Балина. С другой стороны, обновлялись мотивировки вполне канонических сюжетов, например, «бунт игрушек», что на материале раннесоветской агитационной сказки показал Кирилл Захаров. Эрика Хаббер, анализируя эволюцию поэтики стихотворений для детей В. Маяковского, раскрывает, как футуристические эксперименты с формой в его поэзии середины 1920-х гг. к концу десятилетия сменились «производством» нового дидактического содержания. В то же время такая идейная перестройка особенно заметна на материале периодических изданий 1920-х гг.,

в том числе издававшихся не в столицах. Именно в периодике появились первые попытки конструирования памяти об октябрьских событиях и времени, которое им предшествовало. Пьесы для самодеятельных театров и небольшие рассказы, публиковавшиеся в газетной и журнальной периодике в конце 1920-х гг., сменились в 1930-е гг. историко-революционной повестью для подростков. Как утверждает Мария Литовская, этот жанр предлагал авантюрную матрицу, мало отличающуюся от авантюрно-приключенческой литературы, вроде Дюма и Купера. Дальнейшей мемориализации революционных событий в словесности, обращенной к детям Советской России и Социалистической Польши, посвящены статьи Марины Костюхиной и Дороты Михулки. Совершенно иные сюжеты и герои 1917 г. обнаруживаются в современной американской литературе, к которой обратилась Катерина Батчелор.

К контекстам создания советской детской литературы обратились Ольга Мязотс, изучив европейскую рецепцию советской детской книги, и Джулия де Флорио, показавшая, как в публичных выступлениях и печати С. Маршак и М. Горький на рубеже 1920–1930-х гг. разрабатывали язык описания новой советской детской литературы.

В блоке статей «Дневник Кости Рябцева: три измерения» собраны материалы, посвященные одному произведению, которое можно назвать «экземплификативом эпохи». Повесть Н. Огнева вобрала в себя жанровые и стилевые поиски авангардного искусства, отразила реформы и эксперименты в школьном образовании 1920-х и стала канонической репрезентацией Советской России на западе. Эти аспекты освещены в статьях Ольги Виноградовой, Александра Рожкова и Светланы Маслинской. Рубрику «Архив ДЧ» составили архивные материалы из личного фонда писателя Николая Огнева (Михаила Розанова): его размышления над процессом создания «Дневника Кости Рябцева» демонстрируют личностные творческие поиски в условиях становления социального заказа, загоняющего писателя в прокрустово ложе соцреалистической эстетики. Документы школьной словесности (стенгазеты школы-коммуны «Искра», в которой работал писатель), так же как и републикация статьи Е. Кирпичниковой «История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени» (Вестник просвещения, 1922, № 8), обнаруживают истоки стилевого и сюжетного содержания повести Огнева. В коротких эссе, опубликованных в рубрике «Интервью», собраны воспоминания читателей первого после войны переизда-

ния «Дневника Кости Рябцева» 1966 г. Редакция «Детских чтений» попыталась узнать, как долгий, более чем тридцатилетний, разрыв с читателем сказался на восприятии повести. Н. Огнев писал «Дневник...» по горячим следам школьной и общественной жизни середины 1920-х гг. Нас интересовало, какие темы, проблемы и приемы, использованные в повести, сохранили свое значение, а какие потеряли или обрели новое. На вопросы анкеты ответили известные филологи, журналисты, переводчики и издатели. Среди участников опроса Константин Поливанов, Елена Романичева, Илья Бернштейн, Татьяна Сигалова и другие.

Следующий блок посвящен изучению русско-немецких связей в детской литературе. В статье Олега Николаева и Валентина Головина рассмотрена история создания первого русского хрестоматийного стихотворения «Николашина похвала зимним утехам» А. С. Шишкова и предложен развернутый историко-культурный комментарий. Инна Сергиенко установила книгоиздательские контакты в области образовательной книги для детей в России в последней трети XVIII в. Более века спустя интенсивность русско-немецких контактов вновь усилилась: когда в фокусе внимания отечественных педагогов детского чтения оказались труды немецкого педагога Генриха Вольгаста — рецепции его идей в России посвящена статья Светланы Маслинской. К политическим контекстам послевоенного издания Детгизом переводов немецких произведений для детей обратилась Ольга Симонова.

В рубрике «Материалы» Валентин Головин комментирует неопубликованное письмо Евгения Елачича: авторитетный критик начала XX в. обрушивается на «порнографическое содержание» «Голубей» С. Юшкевича (1914).

Завершает выпуск традиционная авторская рубрика Екатерины Асоновой, в которой она представляет свой взгляд на то, как можно говорить с нынешними юными читателями о революции и какие современные книги могут способствовать этому разговору.